

В спальне не горел свет. Едва ощутив неладное, Чи Юцин метнулся через погруженную во тьму комнату и буквально в последний миг успел подхватить подмышки теряющего равновесие Дуань Цзинсяня, не дав ему свалиться на пол.

Не успел юноша облегченно перевести дух, как его обдало тяжелым жаром. Пропитавшаяся потом тонкая пижама Цзинсяня казалась раскаленной — мужчину сжигала сильная лихорадка.

Нахмурившись, Юцин бережно поднял его на руки и перенес на свою кровать, еще сохранявшую дневное тепло. Не теряя секунды, он вызвал дворецкого Хэ — в столь ранний час тот наверняка уже бодрствовал.

Впрочем, когда нужные лекарства принесли, возникло неожиданное препятствие.

Юцин сидел на краю матраса и хмуро разглядывал метавшегося в забвении Цзинсяня. Под мягким светом ночника привычная мраморная бледность мужчины сменилась нежным лихорадочным румянцем, придавая его обычно холодным, строгим чертам щемящую, подкупающую уязвимость.

Посмотрев на стакан воды на подносе, Юцин взял пилюлю и уже занес ее над губами Цзинсяня, но вовремя осекся. Поцелуи с жаропонижающим заманчивы, но сейчас совсем не к месту: даже без сознания человек способен проглотить лекарство, если ему аккуратно помочь.

Отбросив лишние мысли, он приподнял Цзинсяня за плечи, усадив и прижав к своей груди, а затем жестом попросил Дворецкого Хэ подать воду.

Старый слуга оперативно подал стакан. Наблюдая за тем, с какой естественной заботой и сноровкой молодой человек поит больного, он лишь молча кивнул, воздержавшись от распросов.

Уложив Цзинсяня обратно и заботливо подоткнув одеяло, Юцин вполголоса попросил:

— Дядя Хэ, передайте тётушке Цзян, пусть сварит жидкую рисовую кашу. И обязательно подсолит, чтобы был хоть какой-то вкус.

— Сделаю, молодой господин.

Выйдя из спальни и отдав распоряжения, Хэ Чжунсюй погрузился в раздумья.

Будь Юцин менее сдержан — решился он, скажем, передать таблетку из уст в уста — это выглядело бы как пылкий юношеский порыв. Но эта минутная заминка, эта пронизательная осторожность выдавали нечто куда более глубокое. Неужели юноша питает к господину совсем не родственные feelings?

На кухне тётушка Цзян собирала поднос. Заметив задумчивость мужа, она удивленно спросила:

— Ты чего застыл?

Чжунсуй поделился догадкой. Жена лишь мягко рассмеялась:

— Только сейчас заметил? Да у Юцина с самого первого дня, как он переступил порог нашего дома, взгляд на господина совсем не племянничий.

«С самого начала?» — дворецкий задумчиво прищурился. В самом деле, та госпитализация стала переломным моментом.

Тогда Цзинсянь относился к юноше как к избалованному младшему, а тот ответил подчеркнутой лаской и привязанностью. Раньше Хэ Чжунсуй списывал всё на наладившиеся родственные узы. Но стоит взглянуть под другим углом — и всплывают сотни мелких деталей.

Молодой господин Чи изменился. В его глазах порой проскальзывал жесткий, не по годам взрослый блеск человека, привыкшего добиваться своего любой ценой.

Может ли эта глубокая, сдержанная страсть со временем перерасти в нечто большее? В конце концов, проявленная им деликатность вызвала уважение: имея возможность воспользоваться слабостью Цзинсяня, юноша предпочёл сдержать порывы. Без истинной любви и уважения на такое не способны.

Вопросы чувств — дело тонкое. И Дуань Цзинсянь, и Чи Юцин — люди с сильным характером. Вмешиваться не стоит: достаточно просто качественно делать свою работу и спокойно наблюдать.

В спальне Юцин без особого аппетита проглотил завтрак, принесенный тётушкой Цзян. Обычно вкусная еда казалась сейчас пресной, словно картонка.

Отставив поднос, он отправил короткие сообщения Лу Вэю и Ся Лань, предупредив, что сегодня в офисе не появится. Всё его внимание было приковано к Цзинсяню. Раз в полчаса он измерял ему температуру бесконтактным термометром, а в остальное время просто сидел рядом, слушая ровное дыхание.

Тишина растворяла время. Цзинсянь всегда казался недостижимым, холодным и несокрушимым, но болезнь на миг сорвала эту броню, обнажив хрупкую слабость. Юцина сжимало тоской при мысли о том, сколько времени Цзинсянь просидел ночью у его кровати, пока сам Юцин беспробудно спал.

Раньше он просыпался от малейшего шороха. А тут — расслабился, потерял бдительность. Впрочем, рядом с Цзинсянем его тело само отказывалось чувствовать опасность, воспринимая присутствие этого человека так же естественно, как собственное дыхание.

К полудню температура наконец спала до тридцати семи градусов.

Нагнувшись к медленно открывающему глаза мужчине, Юцин понизил голос:

— Как ты? Нигде не болит? Голоден? Хочешь перекусить?

Цзинсянь с трудом сфокусировал мутный взгляд. Спустя несколько секунд он слабо проговорил:

— Всё в порядке... Не волнуйся.

— Как тут не волноваться, — тихо вздохнул Юцин, отводя влажную от пота прядь с его лба. — Давай ты приподнимешься, умоешься, переоденешься и немного поешь. Потом примешь лекарство.

Цзинсянь чуть сощурился, не выражая протеста, но промолвил с упрямством:

— Я хочу принять душ.

Его обычно ледяные, глубокие глаза сейчас подернулись влажной дымкой, словно весенний сад под проливным дождём. Не полностью очнувшийся от лихорадочного сна, он выглядел так трогательно и беспомощно, что Юцин едва удержался от улыбки.

Строгий «младший дядя» просил о душе с интонациями капризного ребёнка!

Юцин уперся локтями в матрас и с ухмылкой склонился ниже:

— Ты только что пропотел. Если сейчас пойдёшь в ванную и снова простудишься, что будем делать? Тебе больно, а у меня сердце разрывается. Смилосердствуйся, а?

— Не простужусь, — нахмурился Цзинсянь, попытавшись сдвинуть одеяло.

Юцин тут же прижал край ладонью. Цзинсянь попытался вылезти с другой стороны, но Юцин накрыл одеяло и там, фактически заключив мужчину в импровизированные объятия. Расстояние между лицами сократилось до каких-то десяти сантиметров. Была видна каждая пушистая ресничка Цзинсяня.

Идеальный момент для поцелуя... Но обстановка не располагала.

Заметив, как Цзинсянь выпростал тонкую руку, аккуратно касаясь его предплечья и призывающе шепнув его имя, Юцин почувствовал, как сердце сделало кульбит.

«Чёрт, да до чего же ты милый!..»

Волна нежности захлестнула его. Сделав глубокий вдох, Юцин уткнулся щекой в его щеку и сдался:

— Ладно-ладно. Сначала душ, потом еда.

Цзинсянь тихо усмехнулся, чуть отстраняясь:

— Я же весь мокрый...

Этот едва слышный бархатистый смех заставил Юцина просить. Гордый недостижимый цветок смеётся! Не удержавшись, юноша еще пару раз с обожанием потерся о его щеку, прежде чем подняться:

— Сиди тихо, я принесу плед.

Вернувшись с легким покрывалом, Юцин с изумлением обнаружил, что Цзинсянь натянул одеяло с головой.

«Это он от смущения или лихорадка вернулась?»

Едва ли суровый бизнесмен в здравом уме позволил бы себе подобную милоту.

— Всё-всё, вылезай, а то задохнешься, — весело пригрозил Юцин, слегка потянув за край. — Или ты передумал мыться?

—... Не передумал.

Одеяло медленно сползло, явив миру слегка растрепанного и подчеркнуто невозмутимого Цзинсяня, избегающего прямого взгляда. Юцин ласково взъерошил его волосы и помог добраться до ванной комнаты.

Оставив мужчину у раковины и отрегулировав воду в душе, Юцин прислонился к стене снаружи, разглядывая букет стрелиций в напольной вазе. Яркие оранжево-синие лепестки, похожие на крылья раскинувшегося журавля, смотрелись изысканно и строго — в точности под

стать хозяину дома.

«Какое у стрелиции значение на языке цветов?» — только Юцин достал телефон, как дверь ванной резко распахнулась.

В проёме стоял Цзинсянь. В его глазах плескалась нескрываемая тревога и затаенный испуг. Сжав края пледа на груди, он тяжело дышал.

— Что-то случилось? Голова кружится? — Юцин мгновенно шагнул к нему.

Цзинсянь поджал губы и после паузы тихо произнес:

— Нет. Всё в порядке.

И тут же скрылся за дверью.

Юцин застыл. Пазл в его голове мгновенно сложился: Цзинсянь просто испугался, что тот ушел! Ему нужно было убедиться, что Юцин рядом.

Не теряя ни секунды, юноша остался дежурить у самого порога. И когда через пару минут дверь открылась снова, Юцин без лишних слов заключил Цзинсяня в крепкие, надежные объятия.

— Ну что ты, волосики совсем мокрые, — ласково пожурил его Юцин, усаживая на высокий стул и включая фен. — Сам учишь меня беречь себя, а сам? Ничего, забота — дело взаимное. Ты присматриваешь за мной, я — за тобой.

Цзинсянь тихо угукнул, глядя на отражение Юцина в зеркале. Тревога постепенно отступала. Он здесь. Живой, настоящий.

Суша шелковистые волосы мужчины, Юцин едва удерживался от желания постоянно гладить его по голове.

После душа он принес Цзинсяню не привычный строгий костюм, а свой собственный мягкий бежевый джемпер свободного кроя.

— Попробуешь сменить стиль? Поверь, тебе очень пойдет.

Цзинсянь не стал возражать. В конце концов, они уже делили одну конфету, к чему смущаться из-за одежды?

Юцин остался в гардеробной, наблюдая за тем, как Цзинсянь неторопливо переодевается. Под строгостью скрывалось подтянутое, гибкое тело с изящными ключицами и узкой талией — воплощение сдержанной чувственности. Бежевый шерстяной свитер сделал его образ теплым, уютным, словно мягкое зимнее солнце.

Уложив Цзинсяня в кровать и накормив обедом, Юцин вложил ему в руки плюшевого журавлика-пухляша, которого приготовил заранее.

— Это тебе взамен панды, — с улыбкой шепнул юноша.

Цзинсянь погладил мягкую игрушку, почувствовав тепло, разливающееся в груди, и тихо произнес:

— Юцин... Кажется, ты ревнуешь даже к игрушкам. Но запомни: никто не сравнится с тобой. Ты — лучшее, что у меня есть.

— Я счастливiec, раз ты так ценишь меня, — тихо отозвался Юцин, прижимаясь лбом к его лбу.
— Я никуда не уйду, дядя. Ни за что.

Вечером, после легкого ужина прямо в спальне, Юцин взял с тумбочки детскую книжку сказок.

— Раньше ты читал мне перед сном. Теперь моя очередь.

Цзинсянь смутился и отвернулся к стене:

— Я не ребёнок, не нужно со мной так.

— А ты думай, что я читаю самому себе, — ухмыльнулся Юцин, усаживаясь поудобнее и обнимая его со спины.

Под мягкий, успокаивающий голос Юцина Цзинсянь постепенно расслабился. Слушать сказку про лисенка и зайчонка оказалось неожиданно приятно.

«Надо будет как-нибудь записать его голос на диктофон, когда он будет читать поэзию», — проскользнула ленивая мысль.

Вскоре Цзинсянь мирно заснул в объятиях Юцина.

На следующее утро Цзинсянь проснулся окончательно здоровым.

После завтрака Юцин решил довести разговор до конца:

— Ты свободен от лихорадки, дядя, но у тебя на душе тяжесть. На днях вице-президент Ци намекнул, что причина твоей тревоги — во мне. Ты боялся, что я исчезну?

Цзинсянь вздохнул, понимая, что уйти от ответа не удастся.

— Второе расщепление личности... непредсказуемо, — тихо признался он, смотря в сторону. — Ученые не могут спрогнозировать, когда сменится личность. Я боялся... что ты исчезнешь, и вернется тот, прежний Чи Юцин. И между нами снова вырастет стена.

Юцин крепко сжал его пальцы:

— Человек сильнее обстоятельств! Тот, прошлый Юцин, не вернется. Я никуда не уйду. Я останусь с тобой навсегда.

Почувствовав уверенность и непоколебимость юноши, Цзинсянь впервые за долгое время почувствовал, как тяжелый камень спадает с его души.

Направившись к выходу из комнаты, Юцин торжественно вручил Цзинсяню красивую коробку.

— Это мой подарок!

Цзинсянь с опаской открыл крышку. Внутри лежали... два парных шарфа для влюбленных.

Его бровь нервно дернулась. Парные шарфы?! Что это за детские замашки и к чему эти прозрачные намеки?!

<http://bllate.org/book/20021/1991471>